

Европейский исторический форум в Фонде им. Генриха Бёлля (Берлин, 2018)

Ольга Лебедева,
Международный Мемориал

Европейский исторический форум в Берлине в 2018 году был посвящен восприятию событий 1968 года в Восточной Европе – причем как осмыслению самих этих событий в разных странах, так и тому, как сегодня эти события описываются. Иными словами, как выстраиваются различные национальные нарративы о 1968 годе.

В первый день, 14 мая, конференция началась со вступительного слова представителя Фонда им. Генриха Бёлля, Вальтера Кауфманна. Он сказал, что в европейской истории XX век – несомненно, прежде всего век больших трагедий, но стоит вспомнить о том, что этот век включал и 1968 год, ставший знаковой попыткой реформировать общество. Он подчеркнул, что если события 1968 года в Западной Европе достаточно хорошо изучены, то намного хуже известно, что происходило в странах Восточного блока, и еще меньше известно о том, как в Восточной Европе вспоминают о советском вторжении в Прагу и реакции на это вторжение, о протестах в Югославии и ГДР, – и почему историческая память формируется именно в таком виде. При этом хотелось бы также попытаться осмыслить 1968 год в международном контексте, вне изолированных национальных нарративов (несмотря на очевидную сложность такого диалога в настоящий момент). Он выразил надежду, что удастся приблизиться к реализации этой задачи благодаря тому, что здесь, в Фонде Бёлля, собрались исследователи и активисты из Германии и многих стран Восточной Европы: Чехии, Сербии, Венгрии, Украины, Беларуси, России и др. Вальтер Кауфманн также сказал, что в этом году Европейский исторический форум посвящается памяти первого руководителя общества “Международный Мемориал” Арсения Борисовича Рогинского.

Вступительный доклад прочитала Ирина Лазаревна Щербакова (“Международный Мемориал”). Она предложила говорить об “эпохе 1968 года”, а не об ожном календарном годе. В Советском Союзе в это время у многих были опасения, что власть может остановить десталинизацию, а наступление на едва наметившиеся свободы может начаться заново. При этом многие молодые советские граждане следили за либерализацией в Чехословакии и Пражской весной, возлагая надежды на “социализм с человеческим лицом”. Они полагали, что у этих реформ большие шансы на успех благодаря тому, что готова к изменениям чехословацкая политическая элита. Ирина Щербакова привела пример из собственных воспоминаний: в 1967 году она побывала в Праге и помнит атмосферу свободы, которая там царила. 21 августа 1968 года по телевизору сообщили о начале “братской помощи” народу Чехословакии и “интернациональном долге” советских военных, и все надежды рухнули. О демонстрации 25 августа на Красной площади в Москве Ирина и ее окружение узнали сразу, и это стало для них важным сообщением о том, что протест в принципе возможен. Про студенческие протесты в Западной Европе они тоже знали – благодаря тому, что в СССР уже широко распространились транзисторные радиоприемники. Хотя студенческая борьба против авторитетов вызывала симпатию, многое отпугивало и напоминало негативный советский опыт октябрьской революции. Ирина Щербакова вспомнила, что в 1969 году она встречалась со студентами из Западной Германии и спорила с ними, объясняя, что нельзя допустить настоящей революции. Сегодня она думает считает, что в западноевропейских странах протесты 1968 года в итоге привели к постепенным преобразованиям, в то время как в СССР вплоть до конца 1980-х годов

таких перемен даже не намечалось. А сейчас российское общество стоит перед теми же проблемами, что и в 1968 году.

Дискуссия 1 (модератор Нина Хаппе) была посвящена тому, что происходило в странах Восточной Европы в 1968 году. Нина Хаппе подчеркнула, что важно проговорить основные событийные вехи, потому что на Западе об этом знают довольно мало. В дискуссии участвовали исследователи – Милан Ристович (Сербия), Зофия Воичицка (Польша, Германия), Иван Курилла (Россия), Якоб Яреш (Чехия). Якоб Яреш рассказал о политической канве событий Пражской весны; он считает, что Пражская весна представляла собой совершенно отдельный от студенческих протестов в Западной Европе феномен, и хотя чехи знали о том, что люди в Западной Европе симпатизировали коммунистическим идеям (Яреш привел в пример Руди Дучке и его радикальный марксизм и революционные лозунги), совершенно этим не интересовались, так как гораздо внимательнее следили за ситуацией в своей стране и собственной политической повесткой. Сегодня же в памяти чехов остался феномен Пражской весны и ее жестокого подавления, а размышления о “социализме с человеческим лицом” уже неактуальны. Милан Ристович в своем выступлении также обрисовал политическую ситуацию: студенческий протест имел место в университетах Белграда, Загреба и других; стало ясно, что югославская система в глубоком кризисе; затем Тито присвоил протестную повестку и подавил реальный независимый протест. Интересно при этом, что югославские политики были озадачены тем, что кто-то принимает участие в протестах, так как они полагали, что студенты 1968-го года – это первое аполитичное поколение в Югославии. Обсуждался также вопрос о том, была ли связь между студенческими протестами в Югославии и националистическим движением, и на этот счет единого мнения у собеседников не было. Зофия Воичицка рассказала о событиях 1968-го года в Польше, где происходили два параллельных и не связанных между собой процесса: студенческие протесты и антисемитская кампания. Как и в Югославии, действующая власть считала, что в Польше наступило время стабильности, и была не готова к протестам. Зофия сказала, что началом протестов стала реакция на запрещение театральной пьесы “Панихида”, интерпретированной властями как антисоветская. В это же время национал-коммунисты дали старт антисемитской кампании – поводом послужила Шестидневная война в Израиле. Антисемитскую риторику стали использовать в том числе для борьбы со студенческими протестами. Иван Курилла рассказал о восприятии событий 1968-го года в СССР: по его мнению, лишь небольшая часть советского общества слушала альтернативные источники информации (те самые транзисторные радиоприемники, по которым можно было услышать радио “Свобода”, BBC и др.), основная часть советской публики была знакома лишь с официальной версией событий. Два образа событий (незаконная оккупация или “братская помощь народу Чехословакии”) предстояло осмыслить в период гласности и Перестройки. Иван Курилла подчеркнул, что в демонстрации 1968 года и посвященном ей письме Анатолия Якобсона важно прежде всего то, что это для СССР новый тип оппозиционности: и то, и другое – не обращение к власти, но обращение “к мировой общественности”, встраивание СССР в международный контекст, требование гласности.

В дискуссии после выступлений участников поговорили также о том, можно ли понять, почему все это произошло именно в 1968 году. Зофия Воичицка предположила, что перемены стали возможно благодаря тому, что выросло первое послесталинское поколение. Милан Ристович думает, что в Югославии это было первое не-аграрное поколение, и оно смогло сформулировать политические запросы.

Дискуссия 2 (модераторы Александра Поливанова, Наталия Димич) была разговором с очевидцами и участниками событий 1968-го года: Агнеш Хеллер (Будапешт), Миланом Горачеком (Прага), Буркхардтом Клайнертом (Берлин). Агнеш Хеллер считает, что в 1968 году происходили два важных и независимых друг от друга процесса – Пражская весна, окончательно показавшая, что диалог с СССР невозможен, и “новое левое движение”, определявшее историю Западной Европы, США, Японии, Австралии и других стран как минимум до 1973 года. По воспоминаниям Агнеш, после 1956 года в Венгрии были затишье и депрессия, а в 1968 появилась надежда – благодаря, конечно, Пражской весне. В августе, после вторжения, эта надежда была утрачена. Была потеряна и мечта венгерских популистов о “третьем пути” между капитализмом и социализмом. Агнеш была философом левого направления, но не поддерживала советский вариант коммунизма, и в этот момент разочарования, когда казалось, что ничего, кроме капитализма и либеральной демократии, невозможно в принципе, “новое левое” движение дало ей и ее кругу новую надежду. Главным итогом событий 1968-го года, на ее взгляд, стала трансформация классового общества в “массовое”, в котором мы все живем сейчас и в котором уже невозможны революции (однако возможны перемены). Бурхардт Клайнерт рассказал о том, какие протесты происходили в Восточном Берлине. Многие молодые люди резко отреагировали на августовское советское вторжение в Чехословакию: сам Клайнерт участвовал в печати самодельных листовок (в декабре 1969 его с друзьями арестовало Штази). Они также создали нелегальную библиотеку, поддерживали контакты с студенческими протестными группами из Западного Берлина. По мнению Клайнерта, все это ознаменовало закат социалистической системы. Милан Горачек в своей реплике усомнился в возможности разделить реальные воспоминания о 1968-м годе и позднейшие интерпретации, а также в значимости событий этого периода вообще – на его взгляд, они не привели к существенным победам и изменениям. Александра Поливанова задала дискуссионным участникам вопрос о том, знали ли они тогда, в 1968-м, о протестах в СССР (демонстрации восьмерых на Красной площади в частности), большинство ответили, что узнали несколько позже, и в любом случае это не имело для них большого значения, так как они были уверены, что восемь протестующих не изменят советскую тоталитарную систему.

После перерыва на ужин состоялся разговор с Рене Бёллем, который вместе с отцом, Генрихом Бёллем, в августе 1968 года был в Праге и стал очевидцем вторжения. Генрих Бёлль писал в своих дневниках об этом, что больше всего его впечатлило невооруженное сопротивление чехов. Рене вспомнил, что он сам, молодой юноша, тогда не осознавал всей опасности и старался везде, где можно, фотографировать советских солдат, и смог сохранить снимки.

Во второй день конференции, 15 мая, проходили семинары и экскурсии для приглашенных участников форума – историков, активистов, музейных сотрудников. Вальтер Кауфманн во вступительном слове перед началом работы конференции подчеркнул, что целью Европейского исторического форума, организованного в сотрудничестве с “Международным Мемориалом”, всегда было создание исторического нарратива, составляющего конкуренцию нарративу официальному, который стремится навязать государство, и который всегда тесно связан с настоящим и призван оправдать нынешнюю политику. В этом году мы говорим о том, как сформировать интерес нового поколения к событиям 1968 года, как осмыслить эти события критически. Второй день конференции посвящен именно этому – интерпретациям тех событий сегодня. Будут проводиться также экскурсии, и хотя все экскурсии будут по Берлину, организаторы

предлагают использовать их как повод задуматься о том, как бы можно показат было бы показать историю 1968-го в городах Восточной Европы.

Участники форума разделились на группы: можно было посетить один из 3-х практикум-семинаров и одну из 4-х экскурсий. После этого, вечером, состоялось подведение итогов форума.

Семинар 1 был посвящен событиям 1968-го года в Югославии и их значению сегодня. Обсуждались вопросы о конфликте поколений (все сошлись во мнении, что в Югославии его не было), об активном развитии городов и преобразовании аграрного общества, о националистическом движении и его связи с протестами. Отметим также, что тема 1968-го года в Югославии еще недостаточно изучена с точки зрения гендерной истории и с точки зрения истории повседневности.

Семинар 2 был посвящен тому, как сегодня рассказывают историю 1968-го года в странах Восточной Европы. Говорили о том, как складывается исторический нарратив в современной России. Официальный исторический нарратив обращается к прошлому, и в попытке создать альтернативную историю – историю диссидентского и правозащитного движения мы тоже обращаемся к прошлому, но важно осознавать, какими методами и зачем мы это делаем. Не стоит мифологизировать участников демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади и вообще диссидентов (Вальтер Кауфманн отметил здесь, что в Западной Европе тоже мифологизируют участников левого протеста, делая их героями поп-культуры), лучше писать историю зарождения правозащитного движения и культуры публичного мирного протеста, которую надо рассматривать с разных перспектив историческими методами. При этом нужно понимать, что в разных странах бывшего Советского Союза и в разных частях России может быть очень разная память о протестах 1968-го года, каноническая история о “восьми демонстрантах” не для всех ключевая тема.

Семинар 3 был посвящен памяти о 1968 годе в странах Варшавского договора и тому, что именно помнят сейчас, в частности, вспоминают ли перспективы “социализма с человеческим лицом”. Говорили о том, как в дальнейшем сложились судьбы участников протестов. Участники этого семинара также считают, что для жителей центрально- и восточно-европейских стран известия о протесте в Москве на Красной площади не имели особого значения (несмотря на то, что СССР был тоталитарной державой, угрожавшей будущему соседних стран, не было надежды на перемены в результате точечных протестов, и никто не почувствовал особого символизма в том, что участники демонстрации 25 августа вышли именно в столице СССР, у всех на виду). Многие участники семинара думают, что 1968 почти ничего не поменял в Восточной Европе в смысле политики, потому что очень маленькая группа интеллектуалов поддержала протест. Однако невозможно отрицать культурные сдвиги, которые стали отдаленным последствием.

Все семинары представляли собой площадки, на которых каждый из участников мог высказать свое мнение и принять участие в обсуждении.

Состоялись также четыре экскурсии. Велосипедная прогулка прошла по району Шарлоттенбург, и ее участники общались с очевидцем событий 1968 года. Участники другой экскурсии посетили Исторический музей и осмотрели экспозицию, посвященную 1960-м годам, в рамках которой сначала ГДР и ФРГ представлены отдельно, но затем можно с высоты посмотреть на обе части экспозиции и увидеть цельную картину. Экспозиция удачно демонстрирует бытовую, повседневную сторону жизни людей, так что легко можно представить себя на месте участников событий. Пешеходная экскурсия по району Кройцберг рассказывала о развитии этого района. Когда началась санация

района, здания которого были в плохом состоянии после Второй мировой войны, жители согласились на модернизацию далеко не сразу – культура протестов сохранилась. Автобусную экскурсию по местам протестов в Восточном и Западном Берлине вел историк из Постдамского университета Инго Юхлер, который написал книгу о 1968-м годе в ГДР.

Завершил форум фуршет, на котором подавались канапе, сырные ёжики, фрукты, и атмосферный танцевальный вечер в духе 1968-го, на котором звучала специально подобранная музыка 1960-х - 1970-х годов.